

ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ «КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТИ»

КАЗУС ПРИДНЕСТРОВЬЯ

НИНА ШТАНСКИ

Министерство иностранных дел ПМР, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

Резюме

Распад СССР не только обострил правовые, политические и территориальные противоречия на территории бывших союзных республик и между ними. Он сопровождался крушением советской идеологии на фоне образования этнократических государств и соответствующих им национальных идентичностей. Это привело к многочисленным внутрисоюзным конфликтам – «конфликтам идентичности», в основе которых лежит феномен самоидентификации, опирающийся на этническую или религиозную принадлежность. Тем не менее подробное изучение эволюции и современного состояния этих конфликтов на постсоветском пространстве заставляет говорить не только о вопросе государственной (гражданской) или этнической идентичности, но и об идентичности более высокого порядка – надгосударственной или надэтнической. Яркий пример такого рода конфликтов – приднестровский.

В ходе урегулирования любого конфликта организация эффективного переговорного процесса, позволяющего выработать оптимальные решения для заинтересованных сторон, требует в первую очередь определения ключевых элементов конфликта и их содержательной проработки. В противном случае существующие противоречия могут по-разному пониматься сторонами, что существенно затрудняет переговорный процесс. Как следствие – годами сохраняющийся неурегулированный статус и перевод конфликта в «замороженное» состояние. Молдавско-приднестровский конфликт подтверждает и эту закономерность. Многогранный поиск оптимальных подходов к решению этнополитических конфликтов, и в особенности – «конфликтов идентичности», осложняется ввиду отсутствия единого понимания того, что считать их системообразующими предпосылками. Вместе с тем очевидно, что при выработке планов урегулирования отношений между Молдавией и Приднестровьем необходимо учитывать оформившуюся к настоящему времени особую *внеэтническую* приднестровскую идентичность.

В статье рассматриваются особенности «конфликтов идентичности» на примере ситуации в Приднестровье с опорой на основные теоретические подходы. Изложен авторский взгляд на периодизацию этапов урегулирования, показаны наиболее проблемные вехи переговорного процесса; затронуты актуальные аспекты взаимодействия вовлеченных в переговорный процесс международных игроков; проанализированы предпосылки преодоления данного конфликта. Автор приходит к выводу о том, что одна из важнейших черт ситуации вокруг Приднестровья – одновременное наличие идентичностных, статусных и территориальных противоречий. Выведение приднестровского конфликта из «замороженного» состояния и урегулирование с учета его комплексной природы, может способствовать разработке эффективной и воспроизводимой в других похожих случаях модели преодоления «конфликтов идентичности».

Ключевые слова:

конфликт идентичности; замороженный конфликт; конфликты на постсоветском пространстве; молдавско-приднестровские отношения; урегулирование конфликтов; переговорный процесс.

Распад СССР, будучи крупнейшим геостратегическим изменением конца XX века, сопровождался правовой неурегулированностью выхода союзных республик из состава единого государства. На фоне распространения национализма и укрепления этнократических настроений происходило крушение основанной на советской идеологии межнациональной толерантности. Эти процессы привели к формированию национальных государств и многочисленных этнонациональных идентичностей с несовпадающими границами. Лежащее в их основе пробуждение этнополитического самосознания породило и соответствующие ему формы политической конфликтности — «конфликты идентичности».

Их возникновение связывается с проблемой множественной самоидентификации (то есть отождествления себя сразу с несколькими уровнями социальной агрегации), причем акцент переносится, как правило, на этническую и/или религиозную принадлежности [Лебедева 2006; Авксентьев 2004]. Однако анализ реальных проблем и процессов этнополитической конфликтности на постсоветском пространстве спровоцировал важное теоретическое наблюдение: наличие еще одного уровня самоидентификации, осложняющего процесс урегулирования. Речь идет об идентичности более высокого порядка — надгосударственной и надэтнической одновременно [Лебедева 2002]. Один из примеров «конфликта идентичности» на территории бывшего СССР — ситуация в Приднестровье.

Несмотря на усилия международного сообщества, данный конфликт до сих пор не урегулирован и остается в «замороженном» состоянии, что оказывает значительное дестабилизирующее воздействие на развитие политических процессов в Юго-Восточной Европе. Его принципиальная особенность

состоит в том, что в нем в качестве коренных предпосылок, приведших к вооруженному противостоянию, нельзя выделить только межэтническую или межконфессиональную несовместимость. Помимо них, данный конфликт включает в себя принципиальные идентичностные, статусные и территориальные противоречия.

Приднестровье заселено тремя крупными этнонациональными группами: русскими, украинцами и молдаванами (доля каждой из них приближается к трети населения). Кроме того, на его территории проживают болгары, белорусы, гагаузы, евреи и немцы. В этом смысле молдавско-приднестровское противостояние в концентрированном виде воплощает практически все черты, свойственные другим конфликтам на постсоветском пространстве, включая противоречия, обусловленные статусом совместно проживающих национальностей [Пряхин 2002]. Но даже в этнонациональном аспекте оно демонстрирует ряд особенностей и прежде всего активное идеологическое воздействие на него третьей стороны.

В начале 1990-х годов, в период формирования Республики Молдова как национального государства, активное развитие получила доктрина румынизации¹. В стремлении противостоять поглощению румынской культурой, чуждой большинству жителей Приднестровья, произошло основанное на советской идентичности сплочение политэтнического населения Приднестровья. Позже — уже параллельно с формированием приднестровской государственности — стала зарождаться и самостоятельная приднестровская идентичность. Многослойность структуры данного конфликта, обусловленная множественной идентификацией населения, затрудняет процесс его урегулирования.

Точка зрения, согласно которой конфликтность, основанная на столкновении

¹См., например: Андриевский В. Объединение Молдовы и Румынии: иллюзии и реальности. Сайт проекта «Политическая экспертная сеть Кремль.Орг» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremli.org/opinions/159576226?mode=print> (дата обращения: 25.12.2007); О Декларации о независимости Республики Молдова. Закон Республики Молдова от 27.08.91 № 691 [Электронный ресурс]. URL: http://old.justice.md/lex/document_rus.php?id=5CB608D4:BB9C51A4 (дата обращения: 22.12.2007), а также [Селиванова 2008; Чернявский 2010]

идентичностей, становится распространенной в современной мировой политике, а их урегулирование недостижимо классическими средствами, становится общим местом в политических науках [Цыганков 1996; Арутюнян 1999]. В этой связи изучение молдавско-приднестровских противоречий, характеризующихся переплетением политической и межэтнической составляющих, представляется важным и продуктивным для выработки эффективных подходов к урегулированию «конфликтов идентичности» вообще.

1

В современной научной литературе значительное число работ отдано проблематике «конфликтов нового поколения». С середины 1990-х годов поток публикаций на эту тему расширяется. Российский исследователь П.А. Цыганков относит к таковым все конфликты, зародившиеся после окончания «холодной войны» [Цыганков 2006], связывает зарождение самого этого феномена с распадом биполярности и спровоцированной им дезинтеграцией надэтнических полинациональных систем, прежде всего СССР. Советское государство обеспечивало консолидацию населения за счет идеологии и подавляло развитие самосознания входящих в него групп.

Некоторые авторы и вовсе применяют данную формулировку почти исключительно к особой парадигме конфликтности на постсоветском пространстве [Вершинина 2008]. В других работах можно встретить расширенное толкование «новых конфликтов» – как асимметричных, обусловленных в том числе наличием террористической угрозы, а также таких, в которых узко этническая составляющая вытесняется цивилизационной [Лебедева 2007]. В качестве их основных субъектов выступают повстанческие группировки, криминальные структуры, диаспоры, этнические партии [Панова 2005]. Вне зависимости от различий между этими типами субъектами сутью «нового рода» конфликтов почти универсально признается противостояние не государств или идеологий, а – разных,

сложно устроенных идентичностей [Стафеева 2006; Залевски Энло 2002].

Тем не менее в академических кругах пока не сложилось единого подхода к определению критериев, по которым ту или иную ситуацию следует классифицировать как «конфликт нового поколения». На наш взгляд, очевидно, что в их числе *наличие многосоставной внеэтнической идентичности должно рассматриваться по крайней мере наравне с факторами этнической, региональной, религиозной принадлежности.*

Группы с общей идентичностью выделялись в качестве наиболее подходящей единицы анализа при изучении затяжных или неразрешимых социальных конфликтов еще Дж. Бертоном и И. Азаром [Azar, Burton 1986; Azar 1990]. В наши дни подсистемная переконфигурация мира [Шаклеина, Байков 2013], возникновение новых геополитических тяготений, меняющиеся границы сфер политического, экономического и культурного влияния, укрепление новых макрорегионов вызывают к жизни сложные социокультурные последствия, в том числе радикальные трансформации идентичности людей. Этот процесс способен порождать и новые формы конфликтности (в частности, конфликты глобализации, связанные с параллельным нарастанием в рамках одних политических систем тенденций к модернизации и архаизации в духе анклавно-конгломеративной теории [Богатуров 2010]) и воспринимается многими национальными сообществами как угроза политическому суверенитету, экономической безопасности и культурной самобытности. Особенно четко подобные трансформации прослеживаются при рассмотрении «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве и сопряженных с идентичностью процессов, развивающихся в непризнанных государствах.

Отечественный специалист М.М. Лебедева отмечает, что глубокие различия в культурах затрудняют урегулирование таких ситуаций [Лебедева 1999: 19]. Британский исследователь Д. Фрэнсис также акцентирует деструктивную роль культуры

в современных конфликтах. По его мнению, враждебность, независимо от природы ее происхождения, усугубляется культурными различиями: другой стороне приписываются мотивы доминирования, которое, как известно, чаще всего находит выражение в культурном и языковом доминировании. На массовом уровне «непохожесть» воспринимается в качестве угрозы и усиливает массовую политическую мобилизацию вокруг партии войны [Francis 2004].

Российский специалист М.В. Довженко указывает, что «конфликт идентичности» становится основным источником политических противоречий, в рамках которого различные группы реализуют свои социокультурные ценности, идентифицируют себя и свое видение мира в период утверждения «постсовременной» цивилизации [Довженко 2000: 126]. В подтверждение своего мнения он приводит данные, согласно которым «две трети всех насильственных конфликтов в середине 1990-х годов имели именно такую основу» [Довженко 2000: 131].

Любопытно, что, хотя большая часть конфликтов 1990-х годов возникла на этнотерриториальной основе, многие исследователи склонны к обозначению их именно как «конфликтов идентичности» [Лебедева 2000: 13; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах 1997: 8; Цыганков 1996; Смирнов 2003: 11; Уайт 2011]. Это не случайно. Такие кризисы, при внешнем сходстве, существенно отличаются от конфликтов, связанных с борьбой сепаратистских и федералистских сил, сторонников автономии и централизма, в основе которых лежит статусное соотношение этносов.

Тем не менее изучению разных видов постсоветской идентичности, не имеющей этнической природы, уделяется явно недостаточно внимания. Само это понятие встречается в современных исследованиях крайне редко². Оно совершенно не разработано семантически и концептуально, что

свидетельствует о несформированности данной категории в качестве научной и ее неприменимости в целях нормативного политического анализа.

При всем многообразии подходов к определению «конфликта идентичности» как в общем смысле, так и применительно к постсоветскому пространству, среди исследователей достигнут консенсус в том, что значимость группового статуса становится для них фундаментальной, что отказ в признании или дискриминация потенциально конфликтогенны, а сами такие противоречия особенно трудны в плане достижения компромисса и урегулирования [Тишков 2007: 15].

Проблеме «новых идентичностей» посвящено исследование российского специалиста Р. Снегура [Снегур 2002]. Несмотря на то что он трактует их не только как «этническую и/или религиозную принадлежность», но и как «соотнесенность с тем или иным регионом», он, вслед за основной массой литературы, все же развивает свою концепцию главным образом в русле этнонационализма. При этом в объект исследования не включаются политические общности, в которых «новая идентичность» не имеет этнического выражения и определяется прежде всего самоидентификацией с территориальным ареалом.

И.М. Хрусталева, исследуя проблему непризнанных государств, также оперирует понятием «новые национальные идентичности» скорее в этнонациональном контексте. Объектами его исследования выступают Абхазия и Нагорный Карабах, в которых национальная идентичность, очевидно, выступает одним из ключевых оснований конфликта. В то же время в работе И.М. Хрусталева указывается, что «непризнанность» существующего де-факто на протяжении десятилетий политической общности не исключает возможности консолидации его населения вокруг идей единой государственности. Следовательно,

² См. [Елизарова 2002; Попов 2004], а также Авксентьев В.А. Постсоветская идентичность и проект «российской нации». Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/72194.htm> [дата обращения: 14.01.08]

в таких государствах нельзя исключать развитие гражданско-правовой идентичности [Хрусталеv 2007].

Вопросы становления «новой идентичности» на постсоветском пространстве необходимо ставить не только с точки зрения возникновения и развития «новых» этнических (в конфликтных зонах) или «новых» этнонациональных общностей (в государствах, сформированных титульными этносами бывших национальных республик СССР). Они также охватывают опыт возникновения социальных общностей на осколках советской идентичности с участием полиэтничных групп.

2

В начале 1990-х годов, на фоне распада СССР и убыстрения процесса национальной унификации в Молдове, полиэтничное население Приднестровья консолидировалось вокруг построения собственной государственности и идеи обретения независимости. Сегодня его представители идентифицируют себя одновременно и как россияне, и как приднестровский народ, и как представителей одной из множества составляющих его этнических групп. В отличие от других постсоветских общностей, именно приднестровскую нельзя однозначно описать существующими идентичностными категориями, применяемыми в политической науке, будь то гражданская, этническая или государственная. В республике отсутствуют доминирующий этнос и ущемляемое меньшинство, а апелляция исключительно к гражданской или государственной основаниям самоидентификации проблематична как в силу отсутствия меж-

дународно-признанной правосубъектности, так и в связи с широко применяемой (в частности, Россией) категорией «соотечественник», определяемой через культурные и исторические характеристики.

В подтверждение этого тезиса российский исследователь О. Неменский в докладе, посвященном гуманитарному измерению развития приднестровского общества, справедливо отмечает распространенное заблуждение о том, что молдавско-приднестровское противостояние носит межэтнический или межнациональный характер и определяется противоречиями между русскоязычным регионом и националистической Молдовой³. Оно прямо вытекает из некорректной классификации конфликта в Приднестровье. И в прессе, и в публицистической литературе приднестровская идентичность, к сожалению, обсуждается только в контексте этнической идентичности на постсоветском пространстве, что существенно обедняет понимание данного феномена.

На момент возникновения молдавско-приднестровского конфликта основными его сторонами являлись этнонациональный режим Республики Молдовы, опирающийся на преобладающий титульный этнос (молдаване) и приднестровский регион бывшей МССР с более пестрым этническим составом⁴. В связи с процессами румынизации в Молдове⁵ *получило развитие противоречие молдавской идентичности, с одной стороны, и советской идентичности полиэтничного населения Приднестровья – с другой*. Сложившаяся ситуация существенно отличается от иных внешне подобных конфликтов на постсо-

³ Неменский О. Общество Приднестровья: свойства идентичности и ее роль в планах урегулирования конфликтов. Сайт информационного портала: «Молдова – Приднестровье – Гагаузия» [Электронный ресурс]. URL: <http://ava.md/category/18.html> (дата обращения: 20.01.08).

⁴ Приднестровье, никогда не входившее в состав румынского или молдавского государственного формирования, в 1924 году было включено в состав образованной Советскими властями в составе Украины Молдавской автономной республики, а в 1940 году после заключения Пакта Молотова–Рибентропа было изъято из состава Украины с целью создания МССР [См. Закон об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики от 2 августа 1940 г. Стенографический отчет. – М., – 1940. – С.60–61].

⁵ Колосов В. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным / В.Колосов, Д.Заяц. «Независимая газета» [Электронный ресурс]. URL: http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (дата обращения: 05.11.07).

ветском пространстве, в которых, как, например, в грузино-абхазском, произошло столкновение *этнических* общностей. Однако данное различие часто игнорируется даже в научных трудах.

В подтверждение сошлемся на относительно недавнее диссертационное исследование А.Н. Толкачевой, которая утверждает, что Приднестровье представляет собой единственный пример среди регионов бывшего Советского Союза, где «мобилизация русских в качестве русских привела к вооруженному конфликту» [Толкачева 2005]. На деле консолидация в Приднестровье в период распада СССР осуществлялась на межэтнической и антирумынской основе, что выразилось как в отсутствии этнократического руководства и официального объявления «титulyных» этносов, так и в характере государственного строительства⁶. Подобная консолидация актуализировала коллективную идентичность. Близкий феномен был описан американским социологом Л.Козером, связывавшим данное явление с наличием внешнего оппонента и конфликта с ним [Козер 2000].

Сильные и ярко выраженные признаки «советскости» в Приднестровье отмечались многими исследователями⁷. Так, С. Лазовский в работе, посвященной приднестровской идеологии, указывал, что на момент распада СССР «молдавская политическая архитектура, фундаментом которой была этническая и культурная близость с Румынией..., обеспечила приднестровскую государственность пространством для идеологического маневра». По мнению автора, Приднестровью достаточно было сохранить прежнюю советско-российскую идентичность, не теряя времени и усилий

на формулирование национальной идеи, чтобы легко пережить кризис самоидентификации, потрясавший соседей⁸. Прорумынская унификация, проводимая в тот период в Молдове, усиливала потребность населения Приднестровья в самоутверждении, что, учитывая проживание на приднестровской территории по крайней мере трёх крупных этносов, само по себе таило риск возникновения в приднестровском обществе конфликтной ситуации, при которой каждый этнос в ответ на угрожающий «румынизм» самоопределялся бы обособленно. Культурное самоопределение в таком варианте отвлекло бы гражданское общество от конституциональной проблематики и строительства независимого государства. Антипримером, сдерживающим реализацию данного сценария, стал опыт Молдовы, демонстрировавший приднестровцам конфликтогенность выбора между двумя идеологиями: общерумынским национализмом и молдованизмом, носящими принципиально национальный характер.

Молдавский опыт был не единственным. Похожие черты наблюдались в большинстве республик в первые постсоветские годы. На это, в частности, обращала внимание М.М.Лебедева, указывая, что изменения в структуре общества сопровождались и изменениями в общественном сознании, которые привели к потере государственной идентичности. Место последней в ряде случаев стала занимать национальная идентичность, что формировало и усиливало социальную поляризацию [Лебедева 1999: 4]. Возможность развития на приднестровской территории этнических противоречий, равно как и противо-

⁶ Следует отметить, что на момент распада СССР и прекращения существования Молдавской ССР, в составе которой находилось Приднестровье, в масштабах бывшей МССР русские являлись этническим меньшинством, составляющим 12% от всего населения республики. Однако, вопреки существующему

⁷ См. [Колосов 2007; Бабиунга 2003], а также Лазовский С. Приднестровская идеология. Сайт «Агентства Политических Новостей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/authors/publications/print1543.htm> (дата обращения: 20.01.08); Неменский О. Остров Приднестровье. Сайт «Агентства Политических Новостей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/authors/publications330.htm?page=3> (дата обращения: 20.01.08)

⁸ Лазовский С. Указ. соч.

речий, связанных с промолдавской, про-российской или проукраинской идеологией, удалось избежать. Формирование новой многонациональной идентичности стало основой межэтнической толерантности в Приднестровье. В то же время в Молдове колебания между румынской и молдавской идеологиями не только не уменьшились, но и осложнились распространением идей «европеизации».

З

В историографии молдавско-приднестровского противостояния присутствует несколько версий периодизации конфликта и процесса его урегулирования, различавшихся как по уровню интенсивности, так и по достигнутым результатам. Н. Харитоновна предложила разделять процесс урегулирования на три этапа: переход к политическим переговорам после военной фазы конфликта; подготовка и написание Московского меморандума 1997 г. как полномасштабного документа об окончательном урегулировании; приход к власти в Молдове в 2001 г. партии коммунистов и замораживание «статус-кво» в отношениях Молдовы и Приднестровья [Харитоновна 2008]. Обоснована и другая — четырехфазная — периодизация: послевоенный период; период равенства сторон переговорного процесса; конфронтационный период; период интернационализации переговорного процесса [Боцан 2009: 10]. Во внешнеполитическом ведомстве Приднестровья в качестве отдельного этапа выделяли также и период с 2006 года, когда после проведения всенародного референдума был взят «курс на совместное развитие с Россией и формирование системы гарантий» [Основные этапы урегулирования молдо-приднестровских отношений 2010: 50]. Все отмеченные подходы представляются не вполне корректными, поскольку из них «выпадают» важные «межэтапные» события, значимость которых

высока с точки зрения сегодняшнего состояния переговорного процесса.

Процесс урегулирования молдавско-приднестровского конфликта целесообразней исследовать исходя из следующей периодизации: (1) начало процесса урегулирования и формирование переговорного формата (до 1995 г.); (2) поиск взаимоприемлемой формулы построения общего государства (1996–2001); (3) период конфронтации, политики одностороннего давления, завершение полноценного переговорного процесса (2001–2009); (4) период консолидации усилий внешних участников по так называемой реанимации переговорного процесса и определение приемлемого переговорного формата (2009–2011); (5) формирование атмосферы доверия и платформы успешного взаимодействия сторон в рамках согласованного социально-экономического переговорного пространства (2011 г. — по настоящее время).

В ходе первого этапа был инициирован процесс урегулирования конфликта и определен статус его участников в качестве договаривающихся сторон; переговорный процесс был интернационализирован; сформирован устойчивый переговорный формат «3+2» (Россия, Украина, ОБСЕ, Молдова, Приднестровье); определены статус и условия нахождения на территории конфликта российских войск на основании впервые примененного в подобной ситуации принципа синхронизации; разрешены вопросы осуществления внешнеэкономической деятельности Приднестровья, что позволяло республике развиваться и обеспечивать надлежащий уровень экономического обеспечения.

Документом, определяющим взаимодействие сторон на втором этапе, стал подписанный 8 мая 1997 г. Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, в котором было зафиксировано намерение строить «общее государство»⁹. Подписание

⁹ Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем от 8.05.1997. МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfpa-pmr.org/index.php?newsid=220> (дата обращения 28.04.2013).

Меморандума позволило интенсифицировать переговорный процесс. Однако ожидания относительно скорого согласования всеобъемлющего документа по окончательному урегулированию на базе Меморандума не оправдались. Данный документ не стал основой прочной переговорной площадки, так как стороны демонстрировали различное понимание термина «общее государство». Молдова делала акцент на унитарности, что вызывало протесты приднестровской дипломатии¹⁰. Кроме того, по сей день не обеспечены действенными гарантиями и, соответственно, не реализованными остались положения документа, наделявшие Приднестровье самостоятельными правами в различных сферах, включая осуществление внешнеэкономической деятельности.

Этап поиска взаимоприемлемой формулы построения общего государства в 1996–2001 годах не дал сторонам возможности приблизиться к решению разногласий относительно единообразного определения формулы «общего государства». Между тем была создана достаточная договорная база для развития взаимодействия сторон, что позволяло рассчитывать на достижение положительной динамики переговорного процесса и наработать реальный переговорный потенциал.

Впрочем, в 2001 г. стороны вошли в период конфронтации, политики одностороннего давления, что привело к «замораживанию» полноценного переговорного процесса. Анализ событий и действий в 2001–2006 годах, характеризующих позиции участвующих в урегулировании сторон, позволяет на примере конфликта в Приднестровье проиллюстрировать, что односторонние изоляционные меры, политика принуждения, давления (выражившиеся в экономической блокаде, «телефонной войне», визовых ограничениях) и санкций не решают проблемы политиче-

ского урегулирования, а приводят к снижению договороспособного потенциала сторон конфликта и изоляции стран от внешнего мира.

Санкции всегда усиливают внутреннюю консолидацию и сплоченность, ведут к обострению конфликта через осознание лежащего в его основе несовпадения интересов. Они ведут к негативному воздействию на развитие экономических процессов и, что часто недооценивается, к социальным деформациям: изменению структуры демографического движения населения, усилению миграции из зоны конфликта (особенно трудоспособных слоев), снижению уровня жизни населения в зоне конфликта, невозможности выполнения государством социальных гарантий. Все это стимулирует радикальные настроения, причем как внутри политических элит, так и среди различных сегментов населения, и в целом негативно влияет на ход переговорного процесса и степень общественного доверия к посредническим институтам.

С февраля 2006 г. международные посредники не оставляли попыток вернуть стороны за стол переговоров хотя бы в формате консультаций на уровне политических представителей. Однако эти попытки в 2008–2009 годах оказались тщетными. Единственный действенный на сегодняшний день переговорный механизм — Постоянное совещание по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию «5+2» — продолжал работу только в виде неофициальных консультаций, параллельным треком которого была ведущаяся с разной степенью интенсивности деятельность на уровне экспертных групп, призванная укреплять меры доверия. При этом в фокусе внимания гарантов и посредников процесса урегулирования на протяжении полутора десятков лет основным вопросом оставалась не выработка гарантийных механиз-

¹⁰ Молдова: региональные напряженные отношения в Приднестровье. Отчет МГПК от 17.06.2004 №157. Международная Группа по Предотвращению Кризисов [Электронный ресурс]. URL: http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/moldova/157-moldova-regional-tensions-over-transdnistria.aspx?alt_lang=ru (дата обращения 28.04.2013)

мов, обеспечивающих продвижение по пути урегулирования, а стабилизация, поддержание действенности и функционирования переговорного формата.

Четвертый этап процесса урегулирования конфликта в Приднестровье позволяет судить о степени консолидации усилий внешних субъектов по реанимации переговорного процесса и определению приемлемого переговорного формата в условиях, когда поиск компромисса по первоначальной проблеме более не является главным в мотивации сторон. Во многом такое положение обусловлено длительной неразрешенностью политических противоречий. Мотив достижения компромисса практически утрачен, что связано в числе прочего и с трансформацией внешней конъюнктуры и с внутренними изменениями. В последнее время переговоры имитируются сторонами с целью выигрыша времени либо дискредитации другой стороны. Подтверждением тому служит анализ результативности молдавско-приднестровских переговоров с использованием в качестве основного критерия степени выполнения соглашений.

За годы процесса урегулирования сторонами конфликта при участии посредников и гарантов было заключено значительное количество соглашений, ни одно из которых не подкреплено действенной системой гарантийных механизмов и не выполняется сторонами в полном объеме¹¹. Результатом стало закрепление инструментального подхода к переговорам, который описывал в своих работах М.А. Хрусталева [Хрусталева 2008: 32]. Отношения фактически деградировали до уровня квазипереговоров с использованием имитационной стратегии.

Таким образом, на протяжении четырех этапов урегулирования конфликта в При-

днестровье происходила статусная стратификация переговоров, которые, начавшись на высшем политическом уровне, были переведены на дипломатический уровень Постоянного совещания и, наконец, сошли до экспертного уровня (совместных рабочих групп по предметным областям в рамках мер по укреплению доверия), представ, таким образом, в виде классической трехзвенной переговорной иерархии [Хрусталева 2008: 31], но с асимметричным преобладанием нижних уровней.

В качестве основной задачи в процессе консолидации совместных усилий международных игроков фиксировались «разморозка» переговорного процесса и возобновление официальной работы Постоянного совещания в формате «5+2» с формированием реальной комплексной многопроблемной повестки дня. Кроме того, необходимым представлялось выведение переговоров с экспертного на дипломатический, а затем и на высший политический уровень.

Первые шаги в этом направлении делаются в рамках очередного, пятого, этапа урегулирования. Важно отметить, что в 2011–2013 годах Молдова столкнулась с серьезным внутривнутриполитическим кризисом, что также не могло не сказываться на процессе урегулирования. На этом фоне все чаще в последние годы стали звучать предложения о смене формата миротворческой операции, осуществляемой в данном регионе под эгидой России¹². Параллельно, представителями Европейского Союза, Молдовы и Украины активно обсуждали возможность изменения переговорного формата с целью вовлечения ЕС и США в качестве посредников¹³, а также его расширения за счет включения Румынии как государства, непосредственно граничащего со стороной конфликта – Республикой Молдова.

¹¹ Интервью министра иностранных дел ПМР агентству «Политком». Агентство «Политком» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politcom.ru/14079.html> (дата обращения 29.04.2013)

¹² Январский переполох в Молдове. Информационное агентство «Российский миротворец» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=14074> (дата обращения 29.04.2013).

¹³ ЕС и США могут рассчитывать на статус посредников в переговорах в формате «5+2». Интервью политического представителя Молдовы в переговорах по приднестровскому урегулированию Е.Карлова [Электронный ресурс]. URL: <http://press.try.md/item.php?id=138554> (дата обращения 29.04.2013)

Возобновить переговоры удалось в ноябре 2011 года, когда состоялся первый (после длительного перерыва) официальный раунд консультаций участников Постоянного совещания, открывший новый этап процесса урегулирования. Однако выработать конкретные предложения, в том числе в части формирования переговорной повестки дня, сторонам не удалось¹⁴. Более того, не удалось достичь компромисса даже по простым вопросам, например, закрепление в совместных документах принципа равенства сторон. Молдова категорически отказалась его зафиксировать.

Новый импульс переговорному процессу в январе 2012 г. придала проведенная по инициативе украинской стороны в Одессе встреча избранного в декабре 2011 года президента Приднестровья Е.В.Шевчука и премьер-министра Молдовы В.В.Филата¹⁵. На ней подтверждалась готовность продолжить переговоры в формате «5+2». На первый план была выдвинута необходимость улучшения экономической ситуации, качества жизни и расширения реального торгового-экономического и социально-гуманитарного взаимодействия¹⁶. Кроме того, было принято решение активизировать деятельность рабочих экспертных групп по мерам укрепления доверия. Президент ПМР Е.В. Шевчук призвал начать с решения наименее конфликтных и политизированных вопросов с тем, чтобы взаимодействие было результативным и позволяло, в первую очередь, улучшать благосостояние людей. «Малые шаги» должны были

способствовать формированию атмосферы доверия между сторонами, крайне необходимой для нормализации отношений. Такая тактика была поддержана и молдавским лидером.

В апреле 2012 г. удалось согласовать принципы и процедуры ведения переговоров. В итоговом документе отмечены все участники переговорного процесса с уточнением их статуса в переговорах, определенного Братиславским документом 2002 года и Одесским документом 2005 года¹⁷. Помимо согласованных ранее принципов, в ходе Венского раунда консультаций политическим представителям Приднестровья и Молдовы удалось договориться о том, что переговоры ведутся на основе равенства и взаимного уважения, а в договоренностях должны быть определены механизмы, обеспечивающие их реализацию.

Отдельным треком дискуссии стало согласование повестки для официального переговорного процесса. В результате было решено разделить ее на следующие разделы (условно именуемые «корзинами»): (1) социально-экономические вопросы; (2) общеправовые и гуманитарные вопросы и права человека; (3) всеобъемлющее урегулирование, включая институциональные, политические вопросы и вопросы безопасности¹⁸.

При кажущейся согласованности общего для сторон приоритета в переговорах – социально-экономическое взаимодействие (что было подтверждено и на высшем уровне в ходе упомянутой выше одесской встречи руководителей сторон) – прийти к

¹⁴Официальный пресс-релиз по итогам вильнюсского раунда переговоров. МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1416> (дата обращения 29.04.2013)

¹⁵Совместный пресс-релиз по итогам встречи Главы Приднестровья Евгения Шевчука и Премьер-министра Республики Молдова Владимира Филата. Информационно-аналитическое издание МИД ПМР «Дипломатический вестник» [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mfa-pmr.org/index.php?newsid=176> (дата обращения 29.04.2013)

¹⁶Там же.

¹⁷Принципы и процедуры ведения переговоров в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1945> (дата обращения 29.04.2013)

¹⁸Повестка дня переговоров в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1947> (дата обращения 29.04.2013).

согласию относительно переговорного пространства сторонам непросто. В рамках первой темы закреплены такие важные направления, как свобода передвижения населения, таможенные процедуры, вопросы банковской сферы, здравоохранения, образования и другие. В рамках второй — деятельность гражданского общества, СМИ, общие правовые вопросы, включая реализацию, ранее достигнутых договоренностей, и другие меры по укреплению доверия. Трудности возникли с определением конкретного наполнения каждой из корзин и в особенности третьей.

В ходе обмена мнениями и соответствующими проектами выяснилось, что молдавская сторона намерена начать обсуждение вопросов, связанных с безопасностью в целом, включая вопросы миротворчества и демилитаризации. Такой подход делал согласование итоговой повестки дня практически невозможным. В результате было принято предложение приднестровской стороны оставить эту «корзину» пустой, и вернуться к ее согласованному наполнению, когда иные этапы переговорного процесса будут реализованы и сформированное в результате успешного социально-экономического и гуманитарного взаимодействия пространство доверия позволит сторонам перейти к обсуждению более сложных политических вопросов, составляющих предмет всеобъемлющего урегулирования¹⁹. Таким образом, на столе переговоров оказался проект, разделенный на три раздела, только два из которых представляют согласованное переговорное поле, создававшее взаимоприемлемые рамки для содержательной работы в 2012 (период ирландского председательства в ОБСЕ) и 2013 (период украинского председательства в ОБСЕ) годах.

После возобновления официальных переговоров в формате «5+2» проявились некоторые устойчивые проблемные аспек-

ты, периодически препятствующие повышению эффективности работы Постоянного совещания. Пожалуй, наиболее острой стала проблема, связанная с различной трактовкой сторонами сути возможных компромиссов. По абсолютному большинству вопросов молдавская сторона придерживается жёсткой позиции, нацеленной на попытку встраивания Приднестровья в действующее молдавское законодательное поле и принуждение к исполнению взятых Республикой Молдова международных обязательств, в том числе перед Европейским Союзом. Такая тактика сужает возможности достижения компромиссов и не соответствует духу классических международных переговоров, всегда связанных с поиском взаимоприемлемых решений. Приднестровская же сторона исходит из того, что диалог в формате «5+2» подразумевает согласование сторонами собственных договорно-правовых основ взаимодействия, выработку взаимовыгодных решений и принятие на себя обязательств по их гарантированному исполнению.

Кроме того, на протяжении 2012–2013 годов переговорам сопутствовало затруднение процедурного характера. Приднестровская и молдавская делегации продолжали по-разному трактовать ранее согласованные Принципы и процедуры и повестку дня официального переговорного процесса. Молдаване настаивали на необходимости обсуждения вопросов, которые могли бы быть включены «третью корзину» переговоров. Приднестровцы исходили из того, что, подписав Принципы и процедуры и повестку дня официального переговорного процесса, а также согласовав тактику «малых шагов», стороны создали взаимоприемлемое пространство для диалога, в рамках которого могут обсуждаться любые вопросы, представляющие взаимный интерес.

¹⁹ «Третья корзина» в повестке молдо-приднестровских переговоров есть, но она закрыта. Интервью министра иностранных дел ПМР Н.Штански [Электронный ресурс]. URL: <http://AVA.md/politics/O16747-nina-shtanski-tret-ya-korzina-v-povestke-moldo-pridnestrovskih-peregovorov-est-no-ona-zakrita.html> [дата обращения 29.04.2013].

В условиях, когда «третья корзина» не наполнена согласованным содержанием, и участники не смогли прийти к компромиссу по проблемам, которые могут стать предметом переговоров, необходимо было концентрироваться на тех вопросах, которые обе стороны готовы обсуждать. Именно в этом и заключался подход украинского председательства в ОБСЕ, в итоге продемонстрировавший свою конструктивность и низкий конфликтный потенциал.

Кроме того, приднестровской стороной не поддерживались молдавские инициативы об обсуждении в Постоянном совещании проблематики Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (УЗВСТ) Молдовы с Европейским Союзом. Позиция Приднестровья заключалась в том, что ведущиеся между Кишиневом и Брюсселем переговоры об ассоциации представляют собой суверенное дело этих двух сторон и не могут быть предметом дискуссий в международном формате, коим является Постоянное совещание.

К тому же в 2013 г. в Молдове развернулся серьезный и затяжной внутривнутриполитический кризис, сузавший возможности украинского председательства в ОБСЕ, которое вынуждено было прилагать максимум усилий для удержания сторон за столом переговоров и сохранения динамики переговорного процесса.

В целом за 2012–2013 годы в рамках переговорного процесса в формате «5+2» и в двусторонних переговорах с Республикой Молдова приднестровская сторона вынесла на обсуждение около 40 рабочих инициатив и проектов документов. Молдовой было внесено 15 проектов. Некоторые из приднестровских инициатив были приняты и заложили фундамент для решения неотложных проблем в сфере свободы передвижения, экологической безопасности, социальных гарантий и т.д. Но многие из инициатив по-прежнему находятся в стадии обсуждения и сохраняют актуальность – в частности, в отношении международных грузопассажирских перевозок автотранспортом, пассажирских перевозок железнодорожным транспортом, авиасообщения

и судоходства, экономического и банковского взаимодействия, образования, инфраструктуры и гарантий исполнения достигнутых договоренностей.

4

С момента окончания вооруженной фазы конфликта в Приднестровье и начала процесса мирного урегулирования было оглашено множество планов по нормализации молдавско-приднестровских отношений, среди которых: построение асимметричной федерации, создание широкой автономии и ассоциированное членство в союзе государств. Кроме того, был расширен формат переговорного процесса по нормализации взаимоотношений между Приднестровьем и Республикой Молдова. В его состав помимо сторон конфликта – Приднестровья и Республики Молдова – включены страны-гаранты Россия и Украина, посредник – ОБСЕ, а с 2005 года со статусом наблюдателей – ЕС и США (формат «5+2»). Однако вопрос об изменении переговорной конструкции и миротворческого формата все еще доминирует в обсуждении молдавско-приднестровского урегулирования на Западе. В фокусе исследований процесса урегулирования приднестровский конфликт нередко предстает как один из центров конкурентной борьбы крупнейших игроков мировой политики за влияние на постсоветском пространстве в контексте расширения НАТО и ЕС на Восток. Молдавско-приднестровский конфликт с его потенциальными угрозами безопасности действительно вплотную приблизился к границам государств-членов Европейского Союза и НАТО, что привело к росту интереса к участию в его урегулировании со стороны этих субъектов международных отношений, а также США.

На позицию граничащей с Приднестровьем Украины в контексте молдавско-приднестровского конфликта влияют такие факторы, как: наличие украино-молдавских территориальных разногласий и партнерские отношения с Молдовой в рамках международных организаций и программ; ряд сложностей в украино-румын-

ских отношениях; украинно-российское взаимодействие; украинский курс на евроинтеграцию. Особое значение приднестровского конфликта для Киева обусловлено также следующими причинами:

- проживание на территории Молдовы и Приднестровья около 100 тысяч граждан Украины, из которых более 95 тысяч – на территории Приднестровья;

- наличие «замороженного» конфликта представляет собой источник постоянной напряженности на границах Украины;

- неурегулированность ситуации способствует разрастанию нелегальной миграции в приграничных районах;

- накопление проблем социально-экономического характера и сохраняющаяся тенденция повышения уровня бедности в регионе конфликта могут создавать угрозу социального взрыва и роста трудовой миграции на Украину, а также обострения контрабанды и криминогенной ситуации на границе;

- завершение договорно-правового оформления украинно-молдавской границы, включая демаркацию её центральной части, осложнено неурегулированностью приднестровского конфликта;

- через территорию Молдовы и Приднестровья проходит несколько стратегических для Украины транспортных коммуникаций, включая 7-й и 9-й паневропейские транспортные коридоры, а вследствие политической нестабильности в зоне молдавско-приднестровского конфликта произошло снижение товаропотоков, что влечет прямые экономические убытки для Украины;

- сохраняется зависимость южных районов Одесской области от поставок электроэнергии с Молдавской ГРЭС, расположенной в Приднестровье;

- конфликт в существенной степени препятствует полноценному развитию торгово-экономических отношений и политическому диалогу между Украиной и Молдовой, в том числе в рамках общего курса этих государств на евроинтеграцию.

Следует, кроме того, выделить факторы, формирующие массив общих для всех

участников переговорного формата «5+2» интересов. Его составляет заинтересованность в недопущении роста политической и социально-экономической напряженности в регионе, который представляет собой общее славянское пространство для крупных этнических групп украинцев и русских и в котором проживает большое количество граждан России и Украины.

* * *

Определение основных составляющих конфликтов и их детальная содержательная проработка позволяют организовать переговорный процесс, направленный на поиск максимально приемлемых для вовлеченных в него сторон условий и взаимных уступок. Если участники видят суть противоречий неодинаково, то они по-разному подходят и к вопросу о том, по поводу каких аспектов необходимо вести диалог [Лебедева 1999: 14]. Проблема определения эффективных подходов к урегулированию этнополитических противоречий, включая «конфликты идентичности», не сбавляет остроты. Одно из наглядных тому подтверждений – неурегулированность и «замороженность» молдавско-приднестровской ситуации. Несмотря на отсутствие единства понимания в политико-академическом сообществе относительно того, какие предпосылки возникновения данного конфликта можно считать системообразующими, общепризнанным стал тезис о том, что окрепшая за годы «непризнанности» Приднестровья особая самоидентификация населения не может не учитываться при выработке рекомендаций и планов урегулирования. Индивидуальные и коллективные идентичности в современных условиях в принципе становятся многоуровневыми («фасеточными»). Однако на фоне непризнания государственных образований, возникших в результате этнополитических конфликтов, процессы идентификации на надгосударственном и наднациональном уровне только усиливаются, подпитывая деструктивный потенциал существующих противоречий.

По своей сущности и набору слагаемых «конфликт идентичности» гораздо шире межэтнического или территориального, а также, как правило, дополнительно отягощен статусом «замороженности», что влияет и на характер усилий по его урегулированию: этот процесс обычно проходит в вялотекущей, малоинтенсивной форме либо вообще буксует вплоть до полной остановки.

В рамках переговорного процесса в Приднестровье сталкиваются интересы государств, отношения которых друг с другом обременены грузом реальных и потенциальных разногласий, тем более с учетом наметившихся изменений в румыно-украинских, украинско-молдавских и особенно российских-украинских отношениях. При этом свод достигнутых при участии стран-гарантов, посредников и наблюдателей двусторонних договоренностей не только не систематизирован и не представляет собой единой переговорной основы, но и, будучи не подкрепленным действенной системой гарантий, уже де-факто нарушается в одностороннем порядке Молдовой по подавляющему числу положений. Данное обстоятельство существенно снижает доверие участников переговорного формата друг к другу и не

способствует повышению эффективности переговорного процесса.

Крайне необходимой представляется ревизия более чем сотни заключенных соглашений с целью выявления массива актуальных положений, выработки действенной системы гарантий их выполнения и повышения авторитета существующей переговорной конструкции. Во многом успех переговоров зависит от реализации уже принятых решений по разблокированию приднестровской экономики, что при гарантийной функции России и Украины, а также при содействии ОБСЕ, ЕС и США может обеспечить хозяйственное развитие в регионе, в том числе посредством налаживания трансграничной кооперации и экономической вовлеченности сторон конфликта в совместные проекты.

Успешное урегулирование молдавско-приднестровского конфликта, который помимо внутренней негативной динамики, нагнетает напряженность между Россией, Украиной, Румынией и ЕС, может быть серьезной предпосылкой для построения типической модели урегулирования, которая могла бы быть положена в основу универсального подхода к «конфликтам идентичности», в том числе интернационализированных и «замороженных».

Список литературы

- Авксентьев В.А. Конфликты идентичностей в условиях социальных трансформаций // Социальные конфликты как фактор системных трансформаций постсоциалистических обществ (компаративный анализ). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 229 с.
- Бабилунга Н.В. Тайна приднестровского феномена // Национальные образы мира: единство-разнообразие-справедливость. Кишинев, 2003.
- Богатуров А.Д. (отв. ред.) Современная мировая политика: Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010.
- Боцан И. Переговорный процесс как откладывание решения // Молдова-Приднестровье: общими усилиями – к успешному будущему. Переговорный процесс / ред. кол.: Матвеев Д. и др. – К., 2009.
- Бурла М.П. Особенности внешнеэкономических связей региона с неопределенным политико-правовым статусом // Экономика Приднестровья. 2005. №8.
- Вершинина М.И. Особенности межгосударственного сотрудничества по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве: на примере Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья: 1992–2007 гг.: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / МГУ, 2008. 21 с.
- Довженко М.В. Специфика урегулирования современных конфликтов в меняющемся мире // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МОНФ, 2000. 156 с.
- Елизарова О. Образы государства и нации в политической культуре современной России // Pro et Contra. 2002. Том 7. №3. С.92–103

- Енин Е.В.* Обеспечение национальных интересов Украины в процессе урегулирования приднестровского конфликта: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 21.01.01; Национальный институт проблем международной безопасности. К., 2010. – 20 с.
- Залевски М., Энло С.* Вопросы идентичности в международных отношениях. // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита: Пер. с англ./ Общ.ред. и предисл. П.А.Цыганков. М.: Гардарики, 2002. 288 с.
- Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997.
- Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея–Пресс, 2000. 205 с.
- Колосов В.* Приднестровский конфликт и Россия. Ростов–на–Дону: Издательство Южно–федерального университета, 2007.
- Лебедева М.М.* Мировая политика. 2–е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006. 209 с.
- Лебедева М.М.* Акторы современной мировой политики: локальные действия – глобальные последствия (Т.1). // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. 10 т. / под редакцией А.Ю. Мельвиля. М., 2007. С.43–54.
- Лебедева М.М.* Вестфальская модель мира и особенности конфликтов на рубеже XXI века // Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия. М., 2002. 196 с.
- Лебедева М.М.* Мирный и вооруженный пути развития современных конфликтов : сравнительный анализ : (методологический аспект). МГИМО(У) МИД РФ. М., 1999.
- Лебедева М.М.* Мировая политика: проблемы и тенденции развития / Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М.Лебедевой. М.: МОНФ, 2000.
- Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект–Пресс, 1999. 271 с.
- Основные этапы урегулирования молдо–приднестровских отношений // Дипломатический вестник Приднестровья. 2010. № 2.
- Панова В.* Современные западные исследования международного конфликта // Международные процессы. 2005. Том 3. №2(8). URL: www.intertrends.ru/seven/005.htm
- Попов М.Е.* Антропология советскости: философский анализ: автореферат дис. канд. философ. наук: 09.00.13 / СГУ. Ставрополь, 2004.
- Пряхин В.Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве: (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М.: ГНОМ и Д, 2002. 205 с.
- Селиванова И.Ф.* Политическая система непризнанного государства – Приднестровской Молдавской Республики // Научные тетради института Восточной Европы под общ. ред. А. Л. Погорельского. М., 2008. Вып. 2. Молдавия. 241 с.
- Смирнов П.* «Мерцающий режим» конфликтов самоопределения в Восточной Европе // Международные процессы, 2003. №3 (12). URL: <http://www.intertrends.ru/eleventh/002.htm>
- Снегур Р.И.* Конфликты идентичности в контексте глобализации. Сорокинские чтения "Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики". 17–18 декабря 2002 года // Сайт социологического факультета МГУ. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---0sor-00-0-0-Oprompt-10---4-----0-0l-1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-10&a=d&cl=CL1&d=HASHcd13ebbd19c58aec4e5430.2.28> (дата обращения: 20.01.08)
- Стафеева М.В.* Конфликт ценностей как составляющая этноконфессионального настоящего Европы // Дневник Алтайской школы политических исследований. №22. Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века): материалы международной научно–практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд–во Алтайского ун–та, 2006.
- Тишков В.* Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию / Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра / пер. с англ. яз.; ред. В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007. 582 с.
- Толкачева А.Н.* Этнорегиональные конфликты в Украине и Молдове в начале 1990–х годов: Сравнительный анализ Крыма и Приднестровья: автореф. дис. кандидата политических наук: 23.00.02 Санкт–Петербург, 2005. 20 с.
- Уайт С.* Белоруссия, Молдавия, Украина: к Востоку или к Западу? // Мировая экономика и международные отношения, 2001. №7. С.59–67.
- Харитоновна Н.И.* Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2008. 109 с.
- Хрусталев И.* Признать или не признать? // Международные процессы. 2007. Т.5. №14. URL: http://www.intertrends.ru/Current_Issue.htm
- Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: МГИМО–НОФМО. 232 с.

- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений : анализ российских западных теорий: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 407 с.
- Цыганков П.А. Международные отношения / Ин-т "Открытое о-во". М.: Новая шк., 1996. 234 с.
- Шаклеина Т.А., Байков А.А. (отв. ред.). Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2013.
- Чернявский С.И. Россия–Молдова: перспективы сотрудничества // Языковой суверенитет в контексте политической субъектности самоопределившихся государств. Тирасполь, 2010. С. 75–85.
- Azar E. *The Management of Protracted Social Conflict*. Aldershot: Dartmouth, 1990.
- Azar E., Burton J.W. *International Conflict Resolution: Theory and Practice*. Boulder: Lynne Rienner and Wheatsheaf, 1986.
- Francis D. *Culture, Power Asymmetries and Gender in Conflict Transformation*. Research Center for Constructive Conflict Management, 2004. URL: <http://nana.staff.uns.ac.id/files/2014/02/Culture-Power-Assymetrics-and-Gender.pdf>

SETTLEMENT OF “IDENTITY CONFLICTS”

THE CASE OF TRANSNISTRIA

NINA SHTANSKI

Ministry of Foreign Affairs, Tiraspol, MD-3300, Transnistrian Moldovan Republic

The collapse of the Soviet Union led to a number of legal, political, and territorial disputes in the former Soviet republics, as well as encouraged the decay of the Soviet ideology and the shaping of nation states and ethno-national identities. This caused a wave of internal ethno-national conflicts – the ‘identity conflicts’ – which are based on the problem of peoples’ self-identification. Meanwhile, a detailed study of the present state of these conflicts demonstrates that it is more relevant to talk about a supranational or supraethnic identity, rather than a national or an ethnic one. The Transnistrian conflict is a vivid example in this respect. At the same time, it is of high importance that efficient negotiations are organized to allow the parties concerned to come up with optimal solutions in the conflict settlement processes. This, first and foremost, requires the key elements of the conflict to be defined and carefully classified. Otherwise, there is a risk that the existing differences may be perceived by different parties in a different way, which is a huge obstacle to any negotiations. It can be vividly illustrated by the examples of a number of unsettled and ‘frozen’ conflicts, including the Transnistrian one. However, there still is no mutual understanding in the international expert society of what are the key prerequisites for ‘identity conflicts’. At the same time, the Transnistrian example clearly demonstrates that its specific identity, which has taken shape throughout the years among failed attempts to settle the dispute, is one of the main factors that cannot be neglected in the settlement process today.

The article studies the distinctive features of ‘identity conflicts’ through the example of the Transnistrian conflict and an analysis of different theoretical approaches on this issue. The article examines aspects of the current interaction among the actors involved in the negotiations, and analyses possible preconditions that could allow for an increased efficiency in reaching a settlement. The author concludes that the most important of the distinctive features of the Transnistrian conflict is that it combines identity, status, and territorial elements. The author believes that a settlement of this conflict that takes into consideration its complex nature may help to work out an efficient model for the settlement of identity conflicts’, which can then be applied to other conflicts of this type.

Keywords:

“identity conflict”; “frozen conflict”; conflicts in post-Soviet states; Moldavia-Transnistria conflict; conflict settlement; negotiation process

References:

- Arutiunian Iu.V. Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1999) *Etnosotsiologija* [Ethnic sociology]. M.: Aspekt-Press. 229 p.
- Azar E. (1990) *The Management of Protracted Social Conflict*. Aldershot: Dartmouth.
- Azar E., Burton J.W. (1986) *International Conflict Resolution: Theory and Practice*. Boulder: Lynne Rienner and Wheatsheaf.
- Avksentiev V.A. (2004) Konflikty identichnostej v usloviyakh sotsial'nykh transformatsij [Conflicts of identities under conditions of social transformations]. In *Sotsial'nye konflikty kak faktor sistemnykh transformatsij postsotsialisticheskikh obschestv (komparativnyj analiz)*. Voronezh: VGU.
- Babilunga N.V. (2003) Taina pridnestrovskogo fenomena [The Mystery of the Transnistrian phenomenon]. In *Natsional'nye obrazy mira: edinstvo–raznoobrazie–spravedlivost'*. Kishinev.
- Bogaturov A.D. (ed.) (2009, 2010). *Sovremennaya mirovaya politika* [The Contemporary World Politics]. Moscow: Aspect Press Publ.
- Botsan I. (2009) Peregovornyi protsess kak otkladyvanie resheniia [Negotiation process as a way of postponing the solution]. In *Moldova–Pridnestro'ie: obshchimi usiliiami – k uspeshnomu budushchemu. Peregovornyi protsess*. Ed. by Matveev D., etc. Kishinev.
- Burla M.P. (2005) Osobennosti vneshneekonomicheskikh svyazei regiona s neopredelennym politiko-pravovym statusom [Specific features of foreign economic ties for a region with an unidentified political and legal status] *Ekonomika Pridnestrovia*. No. 8.
- Cherniavskii S.I. (2010) Rossiia–Moldova: perspektivy sotrudnichestva [Russia and Moldavia: prospects for cooperation]. In *Iazykovoj suverenitet v kontekste politicheskoi sub'ektnosti samoopredelivshikhsia gosudarstv*. Tiraspol'. P. 75–85
- Dovzhenko M.V. (2000) Spetsifika uregulirovaniia sovremennykh konfliktov v meniaiushchemsia mire [Specific features of the contemporary conflict settlement in the changing world]. In: *Mirovaia politika i mezhdunarodnye otnosheniia na poroge novogo tysiacheletia*. Ed. by M.M. Lebedeva Moscow. MONF. 156 p.
- Elizarova O. (2002) Obrazy gosudarstva i natsii v politicheskoi kulture sovremennoi Rossii [Images of a state and a nation in the Russian contemporary political culture]. *Pro et Contra*. T. 7. No.3. P.92–103
- Enin E.V. (2010) *Obespechenie natsional'nykh interesov Ukrainy v protsesse uregulirovaniia pridnestrovskogo konflikta* [Ensuring Ukrainian national interests in the process of the Transnistrian conflict settlement]. Abstract of a PhD Candidate (political science). Natsional'nyi institut problem mezhdunarodnoi bezopasnosti. Kiev. 20 p.
- Francis D. (2004) *Culture, Power Asymmetries and Gender in Conflict Transformation*. Research Center for Constructive Conflict Management. Available at: <http://nana.staff.uns.ac.id/files/2014/O2/Culture-Power-Assymetries-and-Gender.pdf>
- (1997) *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and conflict in post-Soviet states]. Moscow Carnegie Center. Ed. by M.B. Olcott, V. Tishkov, A. Malashenko. Moscow.
- Kharitonova N.I. (2008) *Pridnestrovskij konflikt i problema nepriznannykh gosudarstv na postsovetskom prostranstve v kontse XX – nachale XXI vv.* [The Transnistrian conflict and the problem of unrecognized states on the post-Soviet space in the late 20th–early 21st century]. Self-abstract of a PhD Thesis (political science). Moscow: MGU. 109 p.
- Khrustalev I. (2007) Priznat' ili ne priznat'? [To recognize or not to recognize?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. T.5. No14. Available at: http://www.intertrends.ru/Current_Issue.htm
- Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaiia ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [International situation analysis and political expertising: essays on theory and methodology]. Moscow: MGIMO–NOFMO. 232 p.
- Kolosov V. (2007) *Pridnestrovskii konflikt i Rossiya* [The Transnistrian conflict and Russia]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo luzhno-federal'nogo universiteta.
- Kozer L. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Functions of a social conflict]. Moscow: Ideia-Press. 205 p.
- Lebedeva M.M (2007) Aktory sovremennoi mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye posledstviia [Contemporary world politics actors: local actions with global consequences] (T.1). In *Prostranstvo i vremia v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniakh: materialy 4 Konventa RAMI*. Ed. by A.Yu. Mel'vil' (ed.). Vol. 10. Moscow. P.43–54.
- Lebedeva M.M. (1999) *Politicheskoe uregulirovanie konfliktov* [Political conflict settlement]. Moscow: Aspekt-Press. 271 p.
- Lebedeva M.M. (1999) *Mirnyj i vooruzhennyj puti razvitiia sovremennykh konfliktov: sravnitel'nyi analiz: (metodologicheskii aspekt)* [A peaceful and a military ways of the contemporary conflict development: comparative analysis (methodological aspect)]. Moscow: MGIMO–University.
- Lebedeva M.M. (2000) *Mirovaya politika: problemy i tendentsii razvitiia* [World politics: challenges and tendencies of the development]. In: *Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniia na poroge novogo tysiacheletia*. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: MONF.

- Lebedeva M.M. (2002). Vestfal'skaia model' mira i osobennosti konfliktov na rubezhe XXI veka [Westphalian world model and specific features of conflicts on the edge of the 21st century]. *Politicheskaia konfliktologiya: Raboty rossiiskikh i zarubezhnykh avtorov: Khrestomatia*. Moscow. 196 p.
- Lebedeva M.M. (2006). *Mirovaia politika* [World politics]. 2nd ed. Moscow. Aspekt Press. 209 p.
- (2010) Osnovnye etapy uregulirovaniia moldo-pridnestrovskikh otnoshenii [Main stages of the settlement between Moldavia and Transnistria]. *Diplomaticheskij vestnik Pridnestrovyia*. № 2.
- Panova V. (2005). Sovremennye zapadnye issledovaniia mezhdunarodnogo konflikta [Contemporary Western research in international conflict studies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. T. 3. No.2(8). Available at: www.intertrends.ru/seven/005.htm
- Popov M.E. (2004). *Antropologiya sovet'skosti: filosofskij analiz* [Anthropology of the Soviet essence: philosophical analysis]. Self-abstract of a PhD Thesis (philosophical science). SGU. Stavropol'.
- Priakhin V.F. (2002). *Regional'nye konflikty na post-sovetskom prostranstve: (Abkhaziia, luzhnaia Osetiia, Nagornyi Karabakh, Pridnestrov'e, Tadzhikistan)* [Regional conflicts on the post-Soviet space: Abkhazia, South Ossetia, Nagornyi Karabakh, Transnistria, Tajikistan]. Moscow: GNOM i D. 205 p.
- Selivanova I.F. (2008). Politicheskaia sistema nepriznannogo gosudarstva – Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki [Political system of an unrecognized state – Transnistrian Moldavian Republic]. In: *Nauchnye tetradi instituta Vostochnoi Evropy*. Ed. by A. L. Pogorel'skii. 2nd ed. Moscow. Moldavia. 241 p.
- Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.) (2013). *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow: Aspect Press Publ.
- Smirnov P. (2003). «Mertsaiushchii rezhim» konfliktov samoopredeleniia v Vostochnoi Evrope [The 'blinking regime' of self-identification conflicts in Eastern Europe]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3 (12). Available at: <http://www.intertrends.ru/eleveth/002.htm>
- Snegur R.I. (2002). Konflikty identichnosti v kontekste globalizatsii [Identity conflicts in the context of globalization]. Sorokinskie chteniia "Aktual'nye problemy sotsiologicheskoi nauki i sotsial'noi praktiki". 17–18 December 2002. MGU. Available at: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---Osor-00-0-0-Oprompt-10---4-----0-0l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-OwindowsZz-1251-10&a=d&c=CL1&d=HASHcd13ebbd19c58aec4e5430.2.28> (accessed: 20.01.08)
- Stafeeva M.V. (2006). Konflikt tsennostei kak sostavliaiushchaia etnokonfessional'nogo nastoiashchego Evropy [Conflict of values as an element of the ethnic and confessional present of Europe]. In *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniia*. №22. *Sovremennaia Rossiia i mir: al'ternativy razvitiia (etnokonfessional'nye konflikty i vyzovy XXI veka): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. by Yu.G. Chernyshov. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta.
- Tishkov V. (2007). Konflikt v slozhnykh obshchestvakh. Vvedenie k russkomu izdaniiu [Conflict in complex societies. The foreword for the Russian edition]. In: *Etnopoliticheskii konflikt: puti transformatsii: nastol'naia kniga Bergkhovskogo tsentra*. Ed. by V. Tishkov, M. Ustinova Moscow. Nauka. 582 p.
- Tolkacheva A.N. (2005). *Etnoregional'nye konflikty v Ukraine i Moldove v nachale 1990-kh godov: Sravnitel'nyi analiz Kryma i Pridnestrovyia* [Ethno-regional conflicts in Ukraine and Moldavia in early 1990s: comparative analysis of the Crimea and Transnistria]. Self-abstract of a PhD Thesis (political science). Saint Petersburg. 20 p.
- Tsygankov A.P. Tsygankov P.A. (2006). *Sotciologiya mezhdunarodnykh otnoshenii: analiz rossiiskikh zapadnykh teorij*. [Sociology of international relations: Russian and Western theories analysis.]. Moscow: Aspekt Press. 407 p.
- Tsygankov P.A. (1996). *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International relations]. In-t "Otkrytoe o-vo". Moscow: Novaia shk. 234 p.
- Vershinina M.I. (2008). *Osobennosti mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva po uregulirovaniu konfliktov na postsovetskom prostranstve: na primere Abkhazii, luzhnoi Osetii, Pridnestrov'ia: 1992–2007 gg.* [Specific features of international cooperation in conflict settlement in post-Soviet states: through the example of Abkhazia, South Ossetia and Transnistria 1992–2007]. Self-abstract of a PhD Thesis (political science). MGU. 21 p.
- White S. (2001). Belorussiya, Moldaviya, Ukraina: k Vostoku ili k Zapadu? [Belarus, Moldavia, Ukraine – to the West or to the East?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No.7. P.59–67.
- Zalevski M., Enlo S. (2002). Voprosy identichnosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Identity issues in International Relations]. In *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe stoletii*. Ed. by P.A. Tsygankov. Moscow. Gardariki. 288 p.